

Сорок лет назад, в феврале 1955 года пятнадцатилетним подростком в Горьком я попал на литературный концерт Елены Николаевны Гоголевой и был просто околдован. В ноябре 1993 года, уже будучи завлитом Нижегородского академического театра драмы, я проводил великую современность в ее последний путь — на Ваганьковское кладбище. Между этими датами — целая жизнь и годы общения, интенсивной переписки замечательной актрисы и ее верного поклонника. Более двухсот писем, открыток, телеграмм Гоголевой храню я в своем архиве. Предлагаю газете "Культура" некоторые из них, думаю, что они дополнят представление читателей и зрителей о легенде русской сцены — Елене Николаевне Гоголевой.

Март 1955 г.

Милый Слава! Я очень хочу, чтобы твое желание быть артистом осуществилось. Но, дорогой мой, юный друг, много, очень много надо упорного, кропотливого труда, чтобы быть советским артистом, и много тяжелых минут и огорчений ждет тебя на этом пути. Одна из моих героинь — Кручинина в "Без вины виноватые" Островского говорит: "Лавры-то потом, сначала горе да слезы". Тернист наш путь, Слава, но благоденствие и прекрасен. А главное, помни, каких бы ты успехов ни достигал в театре — наша профессия требует непрерывной работы над собой, непрерывной учебы, пристального наблюдения жизни, непрерывного совершенствования своего мастерства, чтения литературы, большой к себе требовательности и никогда — самоуспокоенности! Много надо бы было еще сказать тебе о работе актера, но пока ты еще должен учиться и хорошо, с глубокими знаниями закончить десятилетку, чтобы точно определить свое будущее. Желаю тебе много счастья, Слава.

15 декабря 1957 г.

Милый Славушка, не могла никак собраться Вам ответить: то последние репетиции и генеральные "Привидений", то выезды на гастроли в Гомель и Ригу, то волнения и хлопоты с рождением у моего сына маленькой Аленушки, моей внучки. Видите, сколько всяких дел и происшествий, уж не говоря о моих общественных делах. Ну теперь поговорим о Вас. Не отчаивайтесь, дорогой мой дружок. Правильно Вы все сделали и хорошо, что, не падая духом, продолжаете заниматься, да еще по-серьезному, нашим любимым делом. А что Вас постигла неудача в этом году — это еще не катастрофа. Упорство, труд и любовь к театру в конце концов сделают свое дело. Ведь если даже Ваш путь будет идти через самостоятельность, то и тут бывают "случаи", вспомните актера Ленинградского театра им. Пушкина (Александринка), теперь это чуть ли не лучший актер в Ленинграде, я говорю о Горбачеве, а ведь карьера его началась с показа самостоятельности в Москве, он произвел большое впечатление в "Ревизоре", и его сейчас же пригласили и в кино сниматься в Хлестакове, и войти актером в труппу Ленинградского драматического театра на первые роли, а затем он перешел и в МХАТ имени Горького. Это путь для достижения заветной цели! Повторю: только труд и упорство. Теперь о себе. "Привидения" прошли хорошо. Пока еще не было рецензий, но среди актерства, профессуры и культурной части молодежи спектакль пользуется большим признанием. Делаю различные в части зрителей, ибо пьеса не для отдыха и развлечения, спектакль очень серьезный, заставляющий о многом подумать. Меня хвалит, но в нашем деле есть много вкусов и, к сожалению, много грубого. Тру к носу и не унываю. Сама я получаю громадное удовлетворение от работы над такой глубокой и трудной ролью, как фру Альвинг, а Ибсен такой автор, который требует непрерывной работы, отдаче всех сил и упорного внимания на каждом спектакле. Весь наш маленький коллектив, в "Привидениях" всего 5 действующих лиц, очень дорожит спектаклем, трепетно относятся к каждому представлению, и сейчас все мы волнуемся из-за предстоящих гастролей в Ленинграде, где спрос на спектакль "Привидения" огромный, а зритель намного выше и требовательнее московских командировочных. Вот, Славушка, в коротких чертах о моей творческой жизни. Лично — есть у меня чудесная внучка — это мое счастье. Общественно — я олята в партбюро, замсекретаря и олята член худсовета театра, несмотря на мой разногласия с руководством относительно линии и стиля Малого театра. Вот все. Будьте здоровы, дорогой, и смело идите по намеченному пути.

4 октября 1958 г.

Дорогой мой дружок Слава, не сердитесь за мое долгое молчание. Ведь пять месяцев я в былые дома, и накопилось столько дел и писем, что и сейчас еще не разобралась. Попадала я много, впечатлений масса и несмотря на то, что работала без отпусков, совсем не чувствую себя уставшей: ведь сначала Малый театр (это в апреле) отправился в Румынию. Репертуар был для меня неинтересен, я играла только "Крылья", но в концертах должны были идти отрывки из "Макбета" и "Без вины виноватые". Да и уж очень хотелось посмотреть не знакомые мне страны, и я согласилась ехать. Мне не очень понравилась Румыния, хотя отдельные кварталы Бухареста и красивы. Очень хорошие там драматические театры с интересным репертуаром и актерами. Но Болгария — это страна красоты, цветов, изумительной природы и чудесных людей. Незабываемое впечатление. Очень хороши все театры — и оперные, и драматические, и великолепная серьезная оперетта. Тапальнивые певцы и актеры. Много мы приехали там друзей.

...Ну а потом поехала в Венгрию к нашим войскам. Красив, очень красива Будапешт, и вот когда я увидела Голубой Дунай. Работы там было много, а театры их уже не работали — были в отпуске. Красиво их озеро Балатон. Вообще там люди умеют красиво жить и отдыхать. Красота сквозит во всем, чудесно шют, поэтому все женщины выглядят очень изящно, красиво убирают парки, скверы, очень хорошо одеты дети. Но народ все же мне не очень нравится.

...Что же касается моих творческих планов в этом знаменательном для меня сезоне (в этом году 40 лет, как я в Малом), то, увы, все очень грустно. Нет пьес, нет, вернее, ролей для меня, и вряд ли я буду представлять свой юбилей. Но может быть, что и подвернется, пока же грустно.

7 ноября 1960 г.

Милый мой Славушка, давно уже не беседовала с Вами. Спасибо за письма и память. Постараясь сегодня рассказать о некоторых событиях за последние полгода. Ну сначала о юбилее.

Было и очень радостно, и грустно: за несколько дней до моего праздника внезапно умер Всеволод Аксенов (муж Е.Н.Г. до 1935 г., актер Малого театра, чтец. — В.Ж.), а это для меня было большой горю, ведь все моя юность и первые годы театра непосредственно связаны с Всеволодом. Наша дружба и до последних его дней была настоящей, хорошей, светлой дружбой. Как он готовился к моему празднику! Последние часы своей жизни он писал приветственные стихи к моему юбилею. Много надо было сил и выдержки мне 2 апреля. Но вознаграждена я была отношением зрителей и товарищей с ликованием.

Театр буквально помпезен, так много было публики, прорывались через все кордоны. Говорят, что такого красивого и радостного юбилея давно ни у кого не было... А я уже думала, что благодаря последним годам моего творческого бездействия в Малом театре я забыта и у меня отнята моя публичка. Демонстрация отношения ко мне зрителя вынудила дирекцию несколько изменить свое отношение ко мне. Мне даже предложили в "Острова Афроидиты" выбрать роль, и я выбрала. Вы ошиблись, Слава, я играла леди Патерсон, а не Ламбрини. Для меня как актрисы интересен именно этот материал. Роль английской матери очень трудна, многогранна и пусть отрицательна, но развешивается еще где. Спектакль вышел интересней, но кое-что и поругивать — это естественно — вкусы разные. Кое-что и меня не удовлетворяет, но я всегда несколько позже влезала в роль, уже на зрители.

30 апреля 1963 г.

Слава, милый, не писала Вам давно, ибо в театре совершалась великие дела. Наконец-то обидные усилия к директору сняты Царев. Происходило это довольно бурно, немалым сопротивлением и самою Царева, и его группы, в первых рядах коей стоят

Елена Гоголева:

"ОСТАНУСЬ В СЕРДЦЕ ТОГО, КОМУ БЫЛА ДОРОГА"

Е. Н. Гоголева — молодая актриса. Фото Н. Соколовой.

Жаров, Шatroва, Рок и Доронины, Быстрицкая. Боролсь мы упорно, пришлось даже писать Хрущеву... Многие мои товарищи, которым дорог Малый театр, не раз обращались в ЦК партии с просьбой спасти театр, и наконец была назначена комиссия министерства с докладом Царева. На этой комиссии, куда были приглашены не только руководители Малого театра, но и некоторые члены коллектива, я выступила первая с критикой Царева и с предложением о снятии. С теми же примерно речами выступили Матвеев, Ильинский, Хорькова, Анненков, секретарь нашей парторганизации Михеева. (Бабочкин, Жаров и Нифонтова были в Ленинграде). За Царева очень неохотно выступил Коршунов, потом Доронины, Быстрицкая и Рок. Шatroва — правая рука Царева — молчала. Очень резко выступила Фурцева, предложила Цареву подать в отставку... И вот, наконец, у нас новый директор — Е.Е. Северин. Когда-то он был еще в Комитете по делам искусства, а последние годы был директором нашего Щепкинское училища и членом нашего худсовета в театре. Так что и Малый театр, и все наши дела внутренние он хорошо знает. Человек умный, театральный и спокойный. Думаю, что лучшей кандидатурой нам и не найти.

Что касается молодого Симонова — сын вахтанговского Симонова, — а он и нам приглянулся режиссером, то художник он, безусловно, талантливый, но, во-первых, его еще надо воспитывать в духе Малого театра, а во-вторых, не знаю, есть ли у него данные для главного режиссера. Это ведь нечто особое. Он очень молод, горяч и страстно любит работать, то есть сам ставить спектакли, а функции главного режиссера несколько шире, это руководящая должность с художественно-административной и педагогической жилкой. Этого мы пока не видим. Постановкой "Горя от ума" он был занят с головой, и мы все понимали, что для него важно. К сожалению, спектакль вышел спорный, много интересного, но много и чуждого в Малом театре. Не очень принята постановка и правительством, смотрели абсолютно все...

18 октября 1965 г.

Славушка, милый! Спасибо Вам, что не забываете меня, а главное, не обращаете внимания на мое иногда длительные молчание... Это ужасно — быть секретарем парторганизации при таком спокойном и мягкотелом руководстве! Знаю и понимаю, что все силы надо поддерживать Евг. Симонова, он нужен Малому театру!

Но у него нет многих качеств для главного режиссера, им надо руководить, его надо растить, помогать ему и... крепко держать в руках. Директор Северин при всех своих положительных качествах для директора качества — и увы! — делать этого и не может, и не хочет. Вот и идет анархия в коллективе, нет твердой руки, и как сказал один уважаемый товарищ: "У нас власть валется на полку, ее ходят, смотрят и... как уже не хватил тот, кому не следовало бы!" А такие уже нацелились.

Вот и разбираюсь во всем. А я ведь еще актриса! Летом в гастроли Риги и Ленинграда я получила огромное удовлетворение от чудесного приема "Привидений" и "Волков и овец" — это приятно. Вводим мы и нового Освальда, правда, этот молодой актер очень талантлив, но и очень еще молод — Барышев, ему очень трудна эта роль. Жаль, что Вы не видели Подгорного, вот с ним играть — удовольствие. Матвеев же уже совсем отошел от этой роли да и все болелет.

Май 1969 г.

Слава, милый, спасибо за добрые письма. Сейчас мы "Боркман" играем лучше, чем на том, Вам видном черном прогоне. Думаю, что сама буду собой довольно спектакль через 5-6. Сейчас мне вообще трудно — в марте скоропостижно скончался мой сын Игорь (И.Г. Дудкевич — сын Е.Н.Г., работал инженером звукозаписи на радио. — В.Ж.). До сих пор не могу еще прийти к себе. Когда соберусь с силами, напишу все подробно о "Боркмане".

28 января 1974 г.

Слава, милый, нет ни минуты свободной. Встречи, статьи и бесконечная моя ругань с Равенских. Смотрите сами — это репертуар Малого театра! Студ! С таким глумлением над собой самому задуло театрыку... Не 150-летний юбилей, а похороны Славоного Малого. Больно!.. Сейчас, конечно, главным образом на мне как старшей лежит подготовка к 150-летию самого Малого театра. Тут и выпуск новых пластинок "Мелодией" с отрывками из спектаклей Малого театра, и съемки на телевидении, и ряд вечеров со старыми ушедшими мастерами в ВТО, не считая многих статей, и т.д.

29 октября 1984 г.

Что Вам сказать, Слава!.. С болью смотрю на молодость и следующее за мной поколение, ведь играть им нечего. Царев думает только о себе, репертура

1 мая 1985 г.

Дорогой Слава, и Вас, и маму поздравляю с нашими праздниками и шлю вам обоим самые добрые, хорошие пожелания. Не писала Вам давно, т.к. и дела в театре отлепали, по 2-3 часа на приеме у министра... К нам назначен главрежем В.Андреев. Держится пока очень скромно, добросовестно смотрит все спектакли. Но его тронная речь не произвела должного эффекта. Директором назначен Коршунов, но т.к. он ничего в этой отрасли не понимает, а играет почти ежедневно, то, естественно, нервничает и срывается. Худруком театра назначен Царев, он же пред. худсовета, все звалевать на Коршунова и Андреева, сам же озобочен тем, чтобы Коршунов много не играл, ибо "переигранные" его не устраивают, и то, что Коршунов стал вылабачиваться у топшиного алтара. Вот это дело театра. А у меня беда. Поехала в больницу подлечить нервы и правую коленку, я ее еще год тому назад убила в Ленинграде. Коленку-то мне вылечили, но почти накануне выписки домой у себя в палате на гладком паркете упала, и — увы! — перелом шейки бедра. Так что я в больнице уже 4 месяца. Пережила много, сами понимаете. Летает меня без всяких операций по методу Илизарова, который прославился тем, что по косточкам собрал своим методом одного из знаменитых футболистов. Сейчас я уже хожу, правда, с методичкой на костылях. Ходить надо много, а мне уже 85 лет, устаю, да и больно. Врачи утверждают, что они еще намерены смотреть "Мамуре"...

1987 г.

Сегодня 8 июля, дорогой Слава! Июнь провела в санатории, великолепно, но... Уезжала на дачу, пробыла в Москве после санатория лишь сутки, в колпачке о Сашке (внук Е.Н. Гоголевой. — В.Ж.) — он призван в армию. Жаль, музыкальное училище он окончил великолепно, а теперь за год-два пальцы уже станут не те, понадобятся еще год для их восстановления для экзамена в консерваторию... Ну а теперь о делах театра. Вы, конечно, знаете о МХАТе! Расколосились они, часть с Олегом Ефремовым, а молодежь —?.. Лидера у них нет, старается очень Доронины, и как они будут жить, не знаю... Я очень боюсь, как бы заварушки не было у нас. Коршунов как директор не оправдал себя, да он и сам это понял и подал в отставку... При всем моем отрицательном отношении к директорству Коршунова я все же в данной ситуации за него, и настаивала, чтобы он взял свою отставку назад. Сейчас положение в театре катастрофическое — один Андреев на капитанском мостике. Его просто жалко. Вся надежда пока на "Холопы", а следующая премьера — "Игра" Бондарева в постановке Андреева... Но чтобы не минором кончать писем, скажу, что награжден Юльевой-Анохиной и Эдиком Марцевичем я рада тоже, и, надо сказать, оба они не пользуются симпатиями Юр. Соломина...

2 февраля 1990 г.

Слава, дорогой, если бы Вы знали, какую невыносимо трудную работу Вы на меня навели. Мне очень трудно стало писать, почерк у меня стал несносный, это меня раздражает и отнимает много сил и времени. Что делать: годы свое время. Итак, читаю, несносный Вы человек.

Орден (Трудового Красного Знамени в 1989 г. — В.Ж.) была награждена по представлению театра еще летом и в августе должна была его получить из рук Главного в Кремле. А я отказалась туда ехать, сплывшись на мою сполманую ногу. Думаю, что Вы понимаете подлинную причину отказа. Все замолкло, полное недоумение и гнет-то решили орден передать в Министерство культуры. Пока искали кандидатуру министра, время шло, я молчала, орден где-то лежал. И вот звонит мне из нашего отдела кадров такая милая Катюша и говорит, что орден мой в Министерстве культуры, и где я его хочу получить: дома или на "Холопах"? Я говорю: "Холопы" идут в чужом театре (во время ремонта Малого театра спектакли шли в ЦТСА. — В.Ж.) и спектакль длинный, пусть вручают у меня дома. Через 2-3 дня из министерства звонят — вручат будут дома у меня, новым молодым министром сказал: "Я сам, я сам!", назначил день и час, и Коршунов справляется: хочу ли я, чтобы было телевидение? Я говорю через Варвару Ивановну — "Обязательно!" Больше разговоров никаких, стали готовить шампанское... В общем ждали — теле, радио, Шахова, из министерства 2-3 человека и Коршунов с Соломиным... 23 января все и состоялось. Конечно, Соломина не было... А министр очень мне понравился. Я его только в "Ленинине" на экране видела, а тут познакомилась. Очень приятное впечатление и выслушал все, что я ему, несмотря на присутствие Коршунова, высказала, правда, в очень спокойных и корректных тонах. В общем поговорили, орден обмыли, был он, Николай Николаевич, дорогой молодой министр у меня час 15 минут и просил пригласить его на чай, что я с удовольствием на дача сделала. Мне много говорили, что Губенко очень милый, простой, хороший человек. Ведь он — актер и многое знает и понимает, но я не думаю, что он что-нибудь сможет наладить в перестроенной разрухе... В театре у нас полный развал. Ушли режиссеры Хейфец и Львова-Анохина, актеры Марцевич, Мар-

3 января 1979 г.

Дорогой мой Слава! Вы, наверное, совсем на меня махнули рукой, все молчу, не отвечаю на ваши письма. А ведь я последние месяцы жила в таком колпачке и такой упорной и трудной творческой работе, какхих не испытывала уже много лет. Дело не только в моем юбилее, мне надо было отчитаться за эти 60 лет творческой. Роль, как Вы знаете, мне найти было почти невозможно... На мое счастье встретились я с интереснейшим и по-настоящему культурным режиссером с отменным вкусом и эрудицией, что было особенно важно для театра... Не могу сказать, как благодарна своему режиссеру Е.А. Львова-Анохину, хотя мук творчества было действительно много, как и бессонных ночей, слез и полной неуверенности в себе. За все 60 лет моей работы в театре я ничего подобного не играла. Героине моей 106 лет! А вот этой комедии "Мамуре" Ж.Сарман, перевод с французского дочери Куприн... Кажется, спектакль вышел интересный, несколько неожиданный и смелый для Малого театра, много хвалят, но я все отношу за счет режиссера, хотя, сознаюсь, ни над одной ролью за всю свою жизнь я так не работала. Так бы хотелось, чтобы Вы эту мою работу посмотрели, ведь это, думаю, моя последняя роль. Какникак мне в апреле 79 стукнет — пора и честь знать. О юбилее не думаю, уж очень все это надоело — отвратительные "высокие слова", папки и по трафарету приветствия. Все это, ей-богу, ни к чему...

16 октября 1982 г.

Милый Слава, только сейчас немного начинаю приходить к себе, хотя в театр хожу только на свой спектакль и репетиции "Картин".... У нас в театре плохо. Отвратительная литературная часть. Нет пьес, вернее, наша лихачка их "завзает". А инсценировки, которые берутся с учетом громкого имени автора — увы! — не дают нужных результатов... Сейчас намечена "Выбор" Бондарева. Мне и роман не нравится, а уж роль матери Ильи Рамзина и вовсе фальшивая. Я сама мать, и у меня сын был в плену, и я не понимаю этой фальши в романе, поэтому я наотрез отказалась ее играть. Очень тяжело переживаю смерть Никиты Подгорного, хотя с самой высшей зная, что он приговорен и конец неминуем. Самое страшное, что все знал и сам

Никита, и надо было все делать, чтобы отводить его от тяжелых мыслей, обезбуживая, поддерживая. Я не знаю, есть ли в Москве актер, который мог бы заменить Никиту. С кончиной его ушла порода из Малого театра, да и, строго говоря, Малого давно уже нет... Не сердитесь за "веселое" письмо. Желаю Вам всего лучшего.

4 ноября 1990 г.

Слава, дорогой, я не умерла еще, но не могу и не хочу ехать в Москву, сижу на даче. Ехать в Москву — зачем?.. Театр — мой Малый театр еще не готов, да и когда будет готов — нужна ли я в нем?.. Грустно, что так приходится кончать свой творческий путь — вот сижу, грущу и люблюсь умирающей природой... Читаю все газеты, "Огонек", ну а благодаря телеку — я в курсе всех гнусных и страшных дел. Настоящая книга у меня Ельцина, а я теперь вся в политике... Но боюсь — "они" его все равно добьют... Бесконечно и радуюсь, и благодарю Вас за вырезки из газет. Думала ли я 35 лет тому назад, что мальчик, который подошел ко мне в Горьком после концерта, будет таким умным и человечным человеком. Это радостно, Слава, и я очень рада за Вас и горжусь... Крепко жму Вашу руку, хороший Вы человек.

20 ноября 1990 г.

... Вы спрашиваете: "Были ли у меня личные встречи со Сталиным?"

Нет. В 40-е годы много ходило всяких слухов, будто бы я ехала в Москву, сижу на даче. Это неправда. Сталин и члены Политбюро часто бывали в Малом театре. Сталин не пропустил ни одной советской премьеры у нас, а на "Любови Яровой" был не однажды. По окончании спектакля всегда аплодировал. Думаю, ему я обязана присуждением мне трех Сталинских премий за очень посредственные советские пьесы и спектакли: "За тех, кто в море!", "Московский характер" и "Великая сила". В 1949 году я была приглашена на юбилей Сталина, который отмечался в Большом театре 21 декабря. Мне было сказано накануне товарищем из райкома, что я должна быть в Большом театре при ордене в длинном вечернем платье через 16-й подъезд к восьмим часам вечера. Нас собралось на сцене после первой части человек тридцать. Были актеры других театров, музыканты, художники. Все приваляженье. Заванес был закрыт. Нас выстроили так: в середине первого ряда — М.О. Рейзен. Я — с правой его руки, потом — И.С. Козловский, по другую сторону — В.А. Давидова, М.П. Максимова, крайней к правительственной ложе была А.К. Тарасова. Открыли занавес. Сталин полный, все нарядные, в орденах, медалях. Сталин сидел совершенно один в ложе. Загребали аплодисменты и зала, и наши. Он встал, поклонился, олял сел... Вдруг заиграл оркестр, и Рейзен своим басом завел "Широка страна моя родная...". А мы все ему подпевали. Потом опять овация ему и все...

30 марта 1991 г.

Дорогой мой, хороший друг Слава! Не увиделись мы в этот Ваш приезд в Москву, а события, а происшествия, а везения... Словом, только начинаю вылезать из гриппа, слава Богу, кашля меньше, сплю еще меньше, а ем, как щипленок, аппетит совпадает с обстановкой и настроением... Мой режим теперь такой — просыпаюсь в 12! (хорошо, если засну в 5-6 утра). А Варвара не дает читать на ночь, вот и думаю, думаю. Встаю и 40 минут гимнастики ежедневно. Потом умываю два часа, приходится быть осторожной, боюсь поскользнуться, приходится присеивать и одевать Варя, не все могу сама, ну а потом сама схожу с лестницы, правда, под контролем Вари. Плотный завтрак на кухне и сажу в столовой за газеты, "Огонек" и "АиФ". Много переживаю, возмущаюсь, негодую и ничего, ничего не могу сделать, помочь, изменить. Ну не будь я калекой, наверное, и в театре, и на всех митингах и бывала, и участвовала, ведь иногда до бешенства доходящий, ведь подпол и явную ложь "правителей" многострадальной России... Временно прекращаю письмо, причина ясна: в Москве всякая Сегодня митинг не состоялся. Посидела у телека, буду ждать "Время", а пока продолжаю письмо. Не удивляйтесь, Слава, почерку — это и годы, и нервы, и время. На днях было неофициальное собрание труппы на сцене отремонтированного Малого театра. Мне звонил Коршунов — буду ли я и когда прислать машину? Мы с Варей поехали к трем часам. Мои уборная, как всегда, в порядке — все портреты висят на своих местах, мебель, ковры, драпировки — все в порядке. Я должна сидеть на сцене в президиуме, а зале актеры (их было очень мало), строители, рабочие, служащие.

Елена ГОГОЛЕВА.

В президиуме — Бейлис, я, Соломин (встретил хорошо, по-доброму), Коршунов и во всех медалях, значках, орденах Анненков. Соломин предложил открыть собрание мне. После долго и много, главное о ремонте и всех вытекающих из него хлопотах и заботах сказал Коршунов. За ним так же много, как министр, говорил Соломин, а впоследствии — лирически и политически Н.А. Анненков. В общем, все было тепло. Театр отремонтирован хорошо, все блестяще, люстра и все бра в зале горят. После маленького аплодита меня и Анненкова усадили на первом плане сцены в первой кулисе. По середине сцены установили станики для хора, а против нас на другой стороне сцены стояли столы с чаем, крестом и соответствующей утварью, и митрополит Питирим сказал несколько слов о Малом театре, поздравил всех с возвращением в "Отчий Дом" и окропил святой водой из чаши сцену, нас, зрительный зал с сидящими, прочел молитву, благословил всех крестом, а хор церковный пропел несколько молитв. Было это все и неожиданно, и хорошо. Соломин и Коршунов стояли около нас с Анненковым. Потом Питирим оказался около меня, положил руку мне на плечо, т.к. я хотела встать и сказала: "Вот скоро великий праздник Пасхи, и он совпадает с другим великим праздником — Благовещением, и еще у нас у всех праздник в этот день — день рождения Елены Николаевны..." Я совсем онемела, как его назвать не знаю, не то Оти Питирим, не то Ваше Святейшество (а надо было — Владыко!), а он еще, обернувшись к нашему началу, добавляет: "Хорошо бы в этот день и бенедикт Елены Николаевны устроить". Я от смущения ничего не слышу, не понимаю. Мне потом все это Варя сказала, она стояла рядом. Вот какие дела у нас, Слава! Да! Теперь о Вас. Хорошая, очень хорошая Ваша статья в "Совет. культуре" и не потому, что слишком много и тепло обо мне, а все по тону, по мыслям и по лексике. Я очень горжусь Вами, Слава. И хорошо — вроде прамбулы от редакции. Правильно и хорошо, что печатаются. Господи! Вот если бы и в стране, и у нас, в новом, обновленном Малом все бы так было хорошо. Сейчас сижу у себя за секретером наверху, пишу Вам и жду, что решит Парламент по телеку. Уж очень противны всякие... и все осточертевшая атака. Мои друзья и знакомые все собираются на объявленный митинг... Вчера по образовательной программе дали большую передачу о Никите Подгорном. А 31-го по первой программе будет моя передача по ТВ. Смотрели ли Вы прошлые передачи? Кое-что было неплохо. Я сейчас еще после приезда, очень хрипло и кашляю, не могла быть вчера на открытии Малого театра. Все говорят и ждут возобновления "Холопов"... Марцевич вернулся в театр, значит, надо вести только Павлова на роль князя. Я видела Анненкова, он вполне еще тянет...

6 ноября 1992 года

6 ноября 1992 года я последний раз видел Елену Николаевну на сцене — в 100-й раз шел спектакль "Холопы" (я видел его тринадцатый раз!). 1 сентября 1993 года я в последний раз разговаривал с Е.Н. по телефону из Нижнего. 22 октября 1993 года Е.Н. сыграла свой первый спектакль в новом сезоне — "Холопы", и он же оказался последним в ее блестящей и долгой жизни. Руководство и коллеги все же уговорили старейшую артистку отметить небывалый в сценической истории юбилей — 75 лет творчества на одной сцене! Были назначены торжества в Малом театре, уже готовы были афиши. Но... 14 ноября Елены Николаевны не стало. На Ваганьковском горели свечи, оркестр играл "Тори, гори, моя звезда...". А мне припомнились тогда слова одной из героинь Гоголевой — мудрой Селины Муре из легендарного спектакля "Мамуре": "Останусь в сердце того, кому была дорога..." Таких сердец много!

Публикация Вячеслава ЖУЧКОВА.

Публикация Вячеслава ЖУЧКОВА.